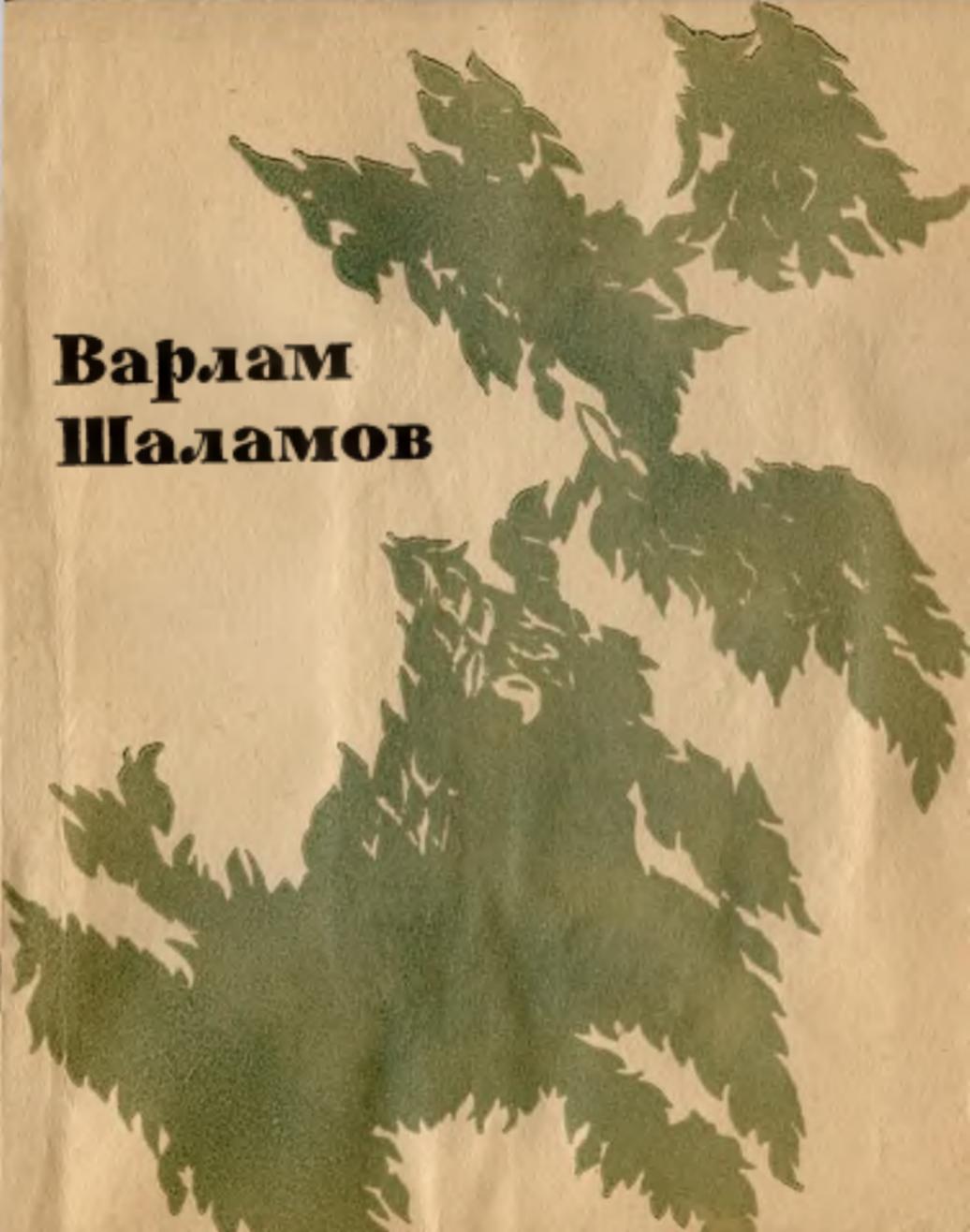

**Варлам
Шаламов**

Варлам Шаламов

**шелест
листьев**

стихи

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва · 1964

«Шелест листьев» — вторая книга Варлама Шаламова.

Главная тема этой книги — природа. Поэт относится к ней как к первооснове всего живущего на земле. Природа у него живет в согласии с человеком, преобразующим ее.

В книге много стихов о новой Москве, о труде, о творчестве.

* * *

Зима уходит в почву, и стужа
От света прячется в леса,
И на пути в дорожных лужах
Вдруг отразились небеса.

И дым из труб, врезаясь в воздух,
Ослабевая в высоте,
Уже не так стремится к звездам,
И сами звезды уж не те.

Они теперь, порою вешней,
Не так, как прежде, далеки,
Они как горы наши — здешни
И неожиданно мелки.

Весною мы гораздо ближе
Земле — и теплой и родной,
Что некрасивой, грязной, рыжей
Сейчас встречается со мной.

И мы цветочную рассаду
Тихонько ставим на окно —
Сигнал весне, что из засады
Готова выскочить давно.

РОСА

Травинкам труднее всего по утрам,
Когда открывают дорогу ветрам,

И грозная мертвая летняя сушь
Похуже буранов, метелей и стуж.

Себя не жалея, себя не щадя,
Травинки живут без дождя, без дождя.

Из воздуха влагу вбирают леса,
Как пот выступает ночная роса.

И корни растений глотают питье
И славят свое корневое житье.

Они отдарят эту каплю воды
И к небу поднимут цветы и плоды.

ЮГО-ЗАПАД

Подъемный кран, как самоходка,
На гусеничном ходу
По окнам бьет прямой наводкой
И тихо кружится на льду.

Вполне военная картина,
Когда прожекторным огнем,
Как в штурмовую ночь Берлина,
Подсвечивают каждый дом.

Но этот бой — не разрушенье,
Не взрыв, а рост — и вширь и вверх,
Победоносное сраженье,
Где автогена фейерверк,

Где торопливое дыханье
Грузовиков и тягачей
И газосварки полыханье
Средь обесцвеченных ночей,

Где кислородные баллоны
Нужны, как воздух, для людей,
Крепящих арки и балконы
Сквозь хаос новых площадей.

Здесь каждый дом — как в магазине:
Новехонький со всех сторон,
И автошин шуршит резина,
И пахнет пихтою гудрон.

СКВОРЕЦ

В приготовленный дворец
Залетай проворно,
Залетай скорей, скворец
В пиджачишке черном!

Покажи-ка свой талант,
Твой талант — не шутка:
Алеманд, полукуронт,
Червякова дудка...

Все леса и небеса,
Все звучит на диво,
Слушай птичьи голоса,
Изучай мотивы.

В приготовленный дворец
Залетай проворно,
Залетай скорей, скворец
В пиджачишке черном.

ЗАКЛАДКА ГОРОДА

Трещат, как швейные машины,
И шины рвут грузовики,
И дышат запахом бензина
Открытые материки.

Уже пробиты магистрали,
Уже пробился в потолок
Еще застенчивый вначале
Печурки тоненький дымок.

Трусцою вдаль плетутся волки,
Устало свесив языки,
А росомахи втихомолку
Поглуше ищут уголки.

И только тучи комариной,
Где звон и стон, и визг и гнев,
Еще звучит напев старинный,
Звериный боевой напев.

* * *

Он тащит солнце на плече
Дорогой пыльной.
И пыль качается в луче
Бессильно.

И, вытирая потный лоб,
Дойдя до дома,
Он сбросит солнце, точно сноп
Соломы.

* * *

Свяжите мне фуфайку
Из пуха тополей,
Белее белой лайки
И севера белей,

Белее снега даже
В асфальтовом дворе, —
Из этой светлой пряжи,
Крученной на жаре.

Волокон и событий
Начала и концы
Разматывают нити
Ребята-мудрецы.

Обрывками капрона
Усеяна земля,
Как и во время оно,
Седеют тополя.

Растрепанной кудели
Дымятся вороха,
Как след былой метели,
Пригодный для стиха.

Свяжите мне фуфайку
Из пуха тополей,
Белее белой лайки
И севера белей.

* * *

В годовом круговращень,
В возвращень зим и лет,
Скрыт секрет стихосложенья —
Поэтический секрет.

Это ритмика ландшафтов,
Самобытные стихи,
Что строчит безвестный автор
Чернотала и ольхи.

Музыкален, как баллада,
Как чередованье строк,
Срок цветенья, листопада,
Перелетов птичьих срок.

В смене грома и затишья,
В смене света и теней
Колесо четверостишья,
Оборот ночей и дней.

* * *

Часы внутри меня,
Волшебные часы,
Отмерить дозы дня
Незримые весы.

Проснусь я точно в час,
Намеченный вчера,
Хоть, не смыкая глаз,
Работал до утра.

Вселенная ведет,
Скрывая как секрет,
Тончайший этот счет —
Тысячелетний след.

И времени чутье —
Закон житья-бытья —
Мы знаем все: зверье,
Деревья, ты и я...

ДЕТСКОЕ

Поднесу я к речке свечку —
И растает лед.
Больше мне, наверно, нечем
Удивить народ.

Это сделать очень просто,
Если захочу,
Лишь свеча бы в речку ростом,
Речка — со свечу.

* * *

Ручей питается в дороге
То родниками, то дождем
И через горные пороги
Проталкивается с трудом.

И, как при кровяном давлении,
Повышенном до глухоты,
Рекой в порывистом движенье
Расшатывает мосты.

И где-нибудь в изнеможенье
Вода ложится на песок,
Почти без пульса, без движенья
Валяется у наших ног.

Ее и здесь зовут рекою.
Она сверкает, как слюда,
Как воплощение покоя —
Горизонтальная вода.

• • •

Так ярок синий небосвод
С гранитною каемкой,
Как будто здесь с утра идет
Для телефильма съемка.

Здесь десять тысяч струн-стволов
Лесной виолончели
Гудели изо всех углов,
Кричали и звенели.

Здесь Моцарт — не магнитофон! —
Подслушать может мессу,
А месса — как сосновый звон,
Благодаренье леса.

* * *

Она никогда не случайна —
Речная полночная речь.
Тебе доверяется тайна,
Которую надо сберечь.

Укрыть ее в склепе бумажном,
В рассказы, заметки, стихи,
Хранящие тайну отважно
До самой последней строки.

Но это еще не открытье,
Оно драгоценно тогда,
Когда им взрывают события,
Как вешняя злая вода.

Когда из-под льда, из-под спуда,
Меняя рельеф берегов,
Вода набегает, как чудо
Расплавленных солнцем снегов.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Овраг наполнится угаром
И гнилью теплой и сухой.
В лесу запахнет скипидаром,
Как в живописной мастерской.

У яблонь запах громче грома.
Взошла вечерняя звезда.
И ветер вьется возле дома,
Не убегая никуда.

ИЮЛЬ

Все соловьи осоловели
И не рокочут ввечеру.
Они уж целых две недели
В плетеной нежатся постели
На охлаждающем ветру.

Колючим колосом усатым
Трясет раскормленный ячмень,
И день малиной ноздреватой,
Черносмородинным агатом
Синиц заманивает в тень.

Здесь сущий рай для птиц бездомных,
Для залетевших далеко.
Им от прохлады полутемной
В кустах, достаточно укромных,
Бывает на сердце легко.

И я шепчу стихи синицам,
Губами тихо шевеля,

И я разыгрываю в лицах:
В зверях, растениях и птицах,
Что сочинила мне земля.

Она к моей спине прижалась
И мне готова передать
Все, что в душе у ней осталось,
Всю нерастраченную малость,
Всю неземную благодать.

Жарой коробятся страницы,
Тетрадка валится из рук,
И в поле душно, как в больнице,
И на своих вязальных спицах
Плетет ловушку мне паук.

И мотыльки щекочут щеку,
Перебивая мой рассказ,
И на ветру скрипит осока,
И ястреба кружат высоко
В июльский полуденный час.

★ ★ ★

Пролетели фары —
Взрыв морозной пыли!
Световым ударом
Сердце ослепили.

Пусть даже мгновенья
Этот взрыв короче —
Хуже станет зренье
Среди зимней ночи.

Сделать хоть полшага
Я боюсь при этом —
Как фотобумага
Обожженный светом.

* * *

Жить вместе с деревом, как Эрзя,
И сердце видеть в сердцевине.
Из тысяч сучьев, тысяч версий
Найти строенья план единый.

Найти фигуры очертанье,
Лицо пейзажа-человека,
А имена или названия —
Приметы нынешнего века.

Гефест перед кусищем меди,
Буонаротти перед грудой
Камней, уверенный в победе,
Уже почувствовавший чудо...

• • •

Не потому цари природы,
Что, подчиняясь ей всегда,
Мы можем сесть в бюро погоды
И предсказать ее на годы
По слову ветра или льда.

А потому, что в нас чудесно
Повторены ее черты, —
Земны, подводны, поднебесны,
Мы ей до мелочи известны
И с ней навеки сведены.

ОДА КОВРИГЕ ХЛЕБА

Накрой тряпьем творило,
Чтоб творчества игра
Дыханье сохранила
До самого утра.

Дрожжей туда! Закваски!
Пусть ходят до зари
В опаре этой вязкой
Броженья пузыри.

Пускай в кадушко тесной,
Пьянея в духоте,
Поищет это тесто
Исхода в высоте.

Пускай в живом стремленьи
Хватает через край,
Торопит превращенье
В пшеничный каравай.

И вот на радость неба,
На радость всей земле
Лежит коврига хлеба
На вымытом столе.

Соленая, крутая,
Каленая в жаре
Коврига золотая,
Подобная заре.

ПАМЯТЬ

Если ты владел умело
Топором или пилой,
Остается в мышцах тела
Память радости былой.

То, что некогда зубрила
Осторожная рука,
Удержавшая зубило
Под ударом молотка,

Вновь почти без напряженья
Обретает каждый раз
Равновесие движенья
Без распоряженья глаз.

Это умное уменье,
Эти навыки труда
В нашем теле, без сомненья,
Затаились навсегда.

Сколько в жизни нашей смыто
Мощною рекой времен
Разноцветных пятен быта,
Добрых дел и злых имен.

Мозг не помнит, мозг не может,
Не старается сбересть
То, что знают мышцы, кожа,
Память пальцев, память плеч.

Эти точные движенья,
Позабытые давно, —
Как поток стихотворенья,
Что на память прочтено.

НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА РИФМЫ

Л. И. Тимофееву

Инструмент для равновесья
Неустойчивости слов,
Укрепленный в поднебесье
Без технических основ.

Ты — провиденье Гомера,
Трубадуровы весы,
Принудительная мера
Поэтической красоты.

Ты — сближение мысли с песней,
Но в усилиях вековых
Ты сложнее и чудесней
Хороводов звуковых.

Ты — не только благозвучье,
Мнемонический прием,
Если с миром выпал случай
Побеседовать вдвоем.

Ты — разведки вдохновенной
Сверхчувствительный прибор,
Отразивший всей вселенной
Неумолчный разговор.

Ты — рефлекс прикосновения,
Ощущенья напоказ,
Сотой долею мгновения
Ограниченный подчас.

Ты ведешь магнитный поиск
Заповедного следа
И в метафорах по пояс
Увязает иногда.

Чтоб достать тебе созвучья,
Скалы колются в куски,
Деревя склоняют сучья
Поперек любой строки.

Чтоб сигналы всей планеты,
Все пространства, все века
Уловила рифма эта —
Зарожденная строка.

СЛЕЗА

Ты горячей, чем капля пота,
Внезапная моя слеза, —
Когда бегущая работа
Осажена на тормоза.

И в размышленьях о бывалом,
И в сожаленьях о былом
Ты в блеске силы в мире малом
И мера слабости — в большом.

Ты можешь во мгновенье ока
С ресниц исчезнуть без следа.
Да, ты скупа, горька, жестока,
И ты — не влага, не вода.

Ты — линза для увеличенья
Невидимых доселе тел.
Ты — не примета огорченья,
А удивления предел.

♦ ♦ ♦

Мечта ученого почтенна —
Ведь измеренье и расчет
Сопровождают непременно
Ее величественный ход.

Но у мечты недостоверной
Есть преимущество свое:
Ее размах почти безмерный,
Ее небесное житье.

И можно ею лишь одною
Остановить солнцеворот, —
Всей силой сердца запасною,
Внезапно пущенною в ход.

И все физически не просто,
И человек в согласье с ней
Повыше собственного роста
И самого себя сильней.

РОЩА

Еще вчера, руками двигая,
Листвы молитвенник листала.
Еще казалась вещей книгою
Без окончанья и начала.

А нынче в клочья книга порвана —
Букварь моей начальной школы —
И брошена на тропы черные
В лесу беспомощном и голом.

И листья письмами подметными
Дрожат у отсыревшей двери,
Стучат в ночные стекла потные,
Шуршат и молят о доверье.

В окно увижу муки дерева,
Морозом скрюченные кисти.
Ему когда-то люди верили,
Его выслушивали листья.

И трону мышцы узловатые
Измученного исполина
И преждевременно горбатую,
Ветрами согнутую спину.

Я верю, верю в твердость мускулов,
Живой наполненную силой,
Не знающей ни сна, ни усталости
И не боящейся могилы.

* * *

В рельефе хребтов, седловин,
Ущелий, распадков и падей,
В судьбе допотопных лавин,
Застывших в немом камнепаде,

Я вижу попытки земли
Возвыситься до поднебесья,
Взметнуться, и рухнуть в пыли,
И долго искать равновесья.

Коварная осыпь крута,
И ястреб боится садиться
На острые камни хребта
Обветренной здешней границы.

• • •

Не в Японии, не на Камчатке,
Не в исландской горячей земле, —
Вулканическая взрывчатка
На заваленном пеплом столе.

И покамест еще примененья
К отоплению сердец не нашло, —
Застывает, утратив движенье,
Бередившее душу тепло.

СИРЕНЬ

Пузырчатая пена
Течет через плетень.
Как вспышка автогена —
Лиловая сирень.

Звезды пятилепестной
Ребяческая цель —
Доселе неизвестной,
Не найденной досель.

Мне кажется, не спать я
И сызнава готов
От влажного пожатья
Разбуженных кустов.

Как факел поднимаю
Дымящийся букет,
Чтоб синей ночью мая
Горел веселый свет.

* * *

Хоть сдавлена гудроном
Московская весна —
Лирическим законам
Она подчинена.

В едином славословье
Горячей синевы —
Лощины Подмосковья
И площади Москвы.

Дыхание сезона
У леса на краю
И в парковом газоне —
В искусственном раю.

Зеленые сережки
У яблони в ушах,
Размокшие дорожки
Глушат неспешный шаг.

И в пригородах пенье
Щеглов, скворцов, сипяц —
Всеевее кипенье
Без меры и границ.

Чудесная наука —
Озвучить все сады.
Вплести все эти звуки
В листву, в цветы, в плоды.

* * *

Я доволен прогулками
По врачебным советам,
Переулками гулками
И зимою, и летом.

По счастливой случайности
Полуночное время
Облегчает до крайности
Непосильное бремя.

Знаю мнение окрестностей,
Незамеченных Фетом.
Слышу гул неизвестностей,
Обойденных поэтом.

Голос самого лучшего,
Что вмещается в строки, —
Вроде тучи из Тютчева,
Вроде снега из Блока.

Ливня блеск металлический,
Дождевая кольчуга,
Или почерк эпический
Достопамятной вьюги.

Листьев звонкие ворохи,
Небо страшного веса,
Скрипы, шелесты, шорохи
Полуночного леса.

Даже дали заоблачной
Ощущаю давленье.
Давит голову обручем
Облаков появленье...

Это — вовсе не мистика,
Недоступная глазу.
Это — новой баллистики
Закругленная фраза.

Это — соль крупнозвездная,
Чем посыпано небо,
Точно ломоть морозного
Зачерствшего хлеба.

* * *

Да, театральны до конца
Движенья и манеры
Аптекаря, и продавца,
И милиционера.

В горячий праздник синева
На испанской сцене
Не без участия травы
Идет спектакль весенний.

И потому, забыв про боль,
Пренебрегая бором,
Подснежник тоже учит роль.
И хочет быть актером.

Не на земле, не на песке,
А встав в воротах лета,
Зажатый в чьем-то кулаке
Образчиком букета.

* * *

О подъезды, о колонны
Разбивающийся дождь —
Будто ампул миллионы
Покрывают площадь сплошь.

Кислый дух автомобиля
И жилища перегар —
Все прибито вместе с пылью
И вколочено в бульвар.

Будто после треска, хруста
На поверженный пустырь,
Приводя природу в чувство,
Выливают нашатырь.

И полны глубокой веры
В приближенье синевы
Палисадники и скверы
И окраины Москвы.

ЛЕНИНГРАД

Все, что учил я так давно:
Событья, даты,
Что здесь прорублено окно
Куда-то,

России главные слова,
И залп Авроры,
И славой сильная Нева,
И море.

И монументы с той земли
Под гром орудий
В бомбоубежища ползли,
Как люди.

И на одном из пятисот
Мостов столицы
Сам командор мне руку жмет
Десницей.

Туман висит вдоль берегов,
Как клочья дыма.
На Невском шарканье шагов
Незаглушимо.

А утром улица тиха,
Как роща.
И строфы здания-стиха
Читает площадь.

БУРЕНИЕ ОГНЕМ

Поэзия, поэзия —
Бурение огнем.
Сверкает света лезвие —
Такая сила в нем,

Что в кислородном пламени
Расплавится скала, —
Идет в породе каменной
Горящая игла.

Как факел ослепительный
Врезаясь в минерал,
Готовя для Праксителя
Любимый материал.

• • •

Вырвалось из комнатного мира
Авторское чтение — в облака!
Телешова тесная квартира
Ниче романисту не рука.

Вырвалось из комнатного плена,
Из среды земной,
Стало телевизорной антенной,
Радиоструной.

Устремилось авторское чтение
В космическую высь,
В патефонном диске на мгновение,
Жизнь, остановись!

Выбери в озвученном романе
Лучшую главу,
Засветись, как слава на экране,
Слово наяву!

ШОССЕ

Дорога тянется от моря
Наверх по берегу реки,
И гнут хребты под нею горы,
Как под канатом — бурлаки.

Они проходят друг за другом
В прозрачных северных ночах.
Они устали от натуги,
У них мозоли на плечах.

Они цепляются руками
За телеграфные столбы
И вытирают облаками
Свои нахмуренные лбы.

Через овраги, через ямы,
Через болота и леса
Шагают горы вверх и прямо
И тащат море в небеса.

МОРЕ

Взглянул и понял: море! море!
Как сила велика твоя,
Узнаю я не в разговоре
И не из книг узнаю я.

Ты — как Сикстинская мадонна,
С которой не свести мне глаз,
Ты пенью соловья подобно,
Услышанному в первый раз.

МОРСКОЕ

Луна потрясает моря,
Она потрясает и сушу,
И море в разгар сентября
Грохочет: «Разрушу! Разрушу!»

И волн поднимается ряд,
Как ряд вопросительных знаков.
На первый лишь кажется взгляд,
Что будет ответ одинаков.

Казалось, скала или риф
Задеты волною любовью,
И станут подобием рифм
Ритмичные вздохи прибоя.

Но это, конечно, не так:
Любое здесь неповторимо —
И старый платан, и маяк,
И столб золотистого дыма

Над черным рыбацким костром
Вблизи от бетонных надгробий,
И где-то катается гром
В ведро пересыпанной дробью.

И будто бы лепят рукой
В талантливом быстром движенье
Причудливый берег морской,
Меняя камней положенья.

Мозаики этой игра
Промытые, круглые камни —
Водою разбита гора
В каком-то периоде давнем.

И даже я сам не таков,
Как был за минуту до чуда,
До этих внезапных стихов,
Явивших я тоже оттуда.

Оттуда — из той глубины,
Копившихся там постепенно,
Взлетевших на гребне волны,
Как пена, как светлая пена...

БУХТА

Легко разгадывается сон
Невыспавшегося залива:
Огонь зари со всех сторон,
И солнце падает с обрыва,

И, окунаясь в кипяток,
Валясь в пузырьчатую воду,
Нагорный ледяной поток
Обрушивается с небосвода.

И вмиг меняется масштаб
Событий, дел, земли, природы —
Покамест пароходный трап
Спеша нащупывает воду.

И крошечные корабли
На выпуклом огромном море,
И край земли встает вдали
Миражами фантасмагорий.

СТАРАЯ ВОЛОГДА

Медлительная Вологда...
Столетия и дали
Тащили город волоком,
В оврагах рассыпали.

Предместьями, посадами
Бросали на дороге
С глухими палисадами
Еловые чертоги.

Жила когда-то грезами
О Вологде-столице,
Каприз Ивана Грозного —
Как сказка о Жар-птице.

А впрочем, вести веские
О царском разговоре —
Магическими фресками
В стариннейшем соборе.

Когда-то слишком пыльная,
Базарная, земная...
Когда-то слишком сыльная
И слишком кружевная.

* * *

Моими ли руками
Построен город каменный?
Ах, камень, серый камень,
Какой же ты беспмятный!

Забыл каменотесов
Рубахи просоленные,
Тебя свели с утесов
Навек в поля зеленые.

Твое забыли имя
Не только по беспечности,
Смешали здесь с другими
И увели от вечности.

ОБОГАТИТЕЛЬНАЯ ФАБРИКА

Мы вмешиваем быт в стихи,
И оттого, наверно,
В стихах так много чепухи,
Мой собеседник верный.

Но нам простятся все грехи,
Когда пойдем искусство
В наш быт примешивать стихи,
Обогащая чувство.

* * *

Волна о камни хлещет плетью
И, отбегая внутрь, назад,
На берег выстелется сетью,
Закинет невод наугад,

Стремясь от нового улова
Доставить самой глубине
Еще какое-нибудь слово,
Неслыханное на дне.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Взял высокую ноту с разгона,
Словно тенор, запел паровоз,
И на миг поездные вагоны
Выпрямляются во весь рост.

И дежурный в фуражке дежурной,
В красной шапке на старый покров, —
Театральный, литературный,
Станционный знакомый герой.

Он стоит на подмостках, у рампы —
Пантомимы бывалый актер,
Освещенный единственной лампой,
И безмолвный ведет разговор

С чьей-то радостью или разлукой,
Человеческим горем чужим —
Всем, что в грохоте, лязге и стучке
Пролетело сейчас перед ним...

* * *

Есть снег, называемый фирн:
Почти превратившийся в лед,
Опасный безжизненный мир
В расщелинах горных высот.

Луч солнца его доставал,
Но все ж растопить не сумел,
Лежит глубоко между скал,
Зернист, неподвижен и бел...

Есть снег как цветы молодой:
Что савана было белей,
Становится вешней водой,
Целебную влагой полей...

* * *

...А лодка билась у причала,
И побледневший рулевой
Глядел на пляшущие скалы
И забывал, что он — живой.

И пальцы в боли небывалой,
Не ощущаемой уже,
Сливались с деревом штурвала
На этом смертном рубеже.

И человек был частью лодки,
Которой правил на причал.
И жизнь была, как миг, короткой
По счету тех земных начал,

Что, охраняя наши души,
Ведут меж обнаженных скал
И тех, кто только им послушен,
И тех, кто робости не знал.

РАССКАЗ О ДАНТЕ

Мальчишка промахнулся в цель,
Ребячий мяч упал в купель.
Резьба была хитра, тонка,
Нетерпеливая рука
В купель скользнула за мячом,
Но ангел придавил плечом
Ребенка руку. И рука
Попала в ангельский капкан.
И на ребячий плач и крик
Толпа людей сбежалась вмиг.
И каждый мальчишка жалел,
Но ссоры с богом не хотел.
Родная прибежала мать,
Не смея даже зарыдать,
Боясь святыню оскорбить,
Навеки грешницею быть.
Но Данте молча взял топор
И расколол святой узор,

Зажавший в мрамора тиски
Тепло ребяческой руки.
И за поступок этот он
Был в святотатстве обвинен
Решеньем папского суда
Без колебанья и стыда.

* * *

Скрипка, как желтая птица,
Поет на груди скрипача.
Ей хочется двигаться, биться,
Ворочаться у плеча.

Скрипач ее криков не слышит.
Немыми толчками смычка
Он скрипку все выше, все выше
Забрасывает в облака.

И в этой заоблачной выси —
Естественный климат ее,
Ее ощущение и мысли,
Земное ее бытие.

Но мы, возвращаясь к земному,
Добравшись по старым следам
К родному, знакомому дому,
Иное почувствуем там.

Мы чем-то высоким дышали,
Входили в заветную дверь
И многое людям прощали,
Чего не прощаем теперь.

ВИКТОРУ ГЮГО

В нетопленном театре холодно,
А я, от счастья ошалев,
Смотрю «Эрнани» в снежной Вологде,
Учусь растить любовь и гнев.

Ты — мальчик на церковном клиросе,
Сказали про тебя шутя,
И не сумел ты, дескать, вырасти,
Состарившееся дитя.

Пусть так. В волненьях поколения
Ты — символ доброго всегда.
Твой крупный детский почерк гения
Мы разбираем без труда.

* * *

Стихи — это судьба, не ремесло,
И если кровь не выступит на строчках,
Душа не обнажится наголо,
То наблюдений, даже самых точных,

И самой небывалой новизны
Не хватит у любого виртуоза,
Чтоб вызвать в мире взрывы тишины!
И к горлу подступающие слезы.

Поэзия — дело селых,
Не мальчиков, а мужчин,
Израненных, немолодых,
Покрытых рубцами морщин.

Сто жизней проживших сполна
Не мальчиков, а мужчин,
Поднявшихся с самого дна
К заоблачной дали вершин.

Познание горных высот,
Подводных душевных глубин,
Поэзия — вызревший плод
И белое пламя седин.

У ТЕЛЕВИЗОРА

Лишь бы твое изображение
Не появилось раньше звука —
Вот весь секрет преобразования,
Телеэкранная наука.

Чтоб ты возник, молвой наполненный
И подготовленный звучаньем,
И все же был подобьем молнии,
Неотвратимой и — случайной.

Чтоб шел вперед с расчетной скоростью —
С такой, чтоб вслух прочесть успели! —
Был нужен в радости и в горести, —
И ты достиг желанной цели.

★ ★ ★

Упала, кажется, звезда,
Или, светя с вершины,
Сквозь ночь спускается сюда
С горы автомашина?

Вокруг палатки — темнота,
Бездонная, ночная,
Не слышно шелеста листа,
Умолкла речь речная.

Я в лампе не зажгу огня,
Чтоб летней ночью этой
Соседи не сочли меня
Звездой или планетой.

• • •

Толпа гортензий и сирени
И сельских ландышей наряд —
Нигде ни капли смертной тени,
И вся земля — цветущий сад.

И майских яблонь пух летает,
Легчайший лебедный пух
Неисчислимой белой стаей,
И тополи шуршат вокруг.

И ослепительное лето
Во все цвета и голоса
Гремит, не веря в смерть поэта
И твердо веря в чудеса.

* * *

Замшелого камня на свежем изломе
Сверкнувшая вдруг белизна,
Пылает заката сухая солома,
Ручей откровенен до дна.

И дыбятся горы,
И кажется странным
Журчанье подземных ключей
И то, что не все здесь живет безымянным,
Что имя имеет ручей,

Что он занесен на столичные карты,
Что кто-то пораньше, чем я,
Склонялся здесь в авторском некоем азарте
Над черным узором ручья...

НИТРОГЛИЦЕРИН

Я пью его в мельчайших дозах,
На сахар капаю раствор,
А он — способен бросить в воздух
Любую из ближайших гор.

Он, растворенный в желатине
И превращенный в динамит,
В далекой золотой долине,
Взрывая скалы, загремит.

И содрогнулся шнур бикфордов,
Сработал капсюля запал,
И он разламывает твердый,
Несокрушимый минерал.

Сердечной боли он — причина,
И он одно лекарство мне —
Так разъяснила медицина
В холодной горной стороне.

ПЕнь

Эти рассказы среза,
Биографию пня,
Прочитало железо,
Что в руках у меня.

Это — свиток свершений
Заполярной судьбы,
Это карта мишени
Для учебной стрельбы.

Слишком перечень краток
Наслоений годов,
Где тепла отпечаток
И следы холодов.

Перемят и закручен
Твой дневник путевой,
Скрытый ворохом сучьев,
Порыжелой травой.

Будто скатана в трубку
Повесть лет временных
В том краю после рубки
Среди сказок лесных.

• • •

Осторожно и негромко
Говорит со мной поземка,
Шелестит сухой снежок,

Чтобы я не верил тучам,
Чтобы в путь по горным кручам
Я отправиться не мог.

Позабывшая окошко,
Ближе к печке жметя кошка —
Предсказатель холодов.

Угадать, узнать погоду
Помогает лишь природа
Нам на множество ладов,

Глухари и курошатки
Разгадали все загадки,
Что подстроила зима.

Я ж искал свои решенья
В человечесьем ощущенье
Кожи, нервов и ума.

Я считал себя надменно
Инструментом совершенным
Опознания бытия.

И в скитаньях по распадкам
Доверял своим догадкам,
А зверью не верил я.

А теперь — на всякий случай —
Наташу побольше сучьев
И лучины наколю,

Потому что жаркой печи
Неразборчивые речи
Слушать вечером люблю.

Верю сердцу-лесоводу,
Никуда я не поеду,
Никуда я не пойду.

Пусть укажут мне синицы
Верный путь за синей птицей
По торосистому льду.

ОЛЬСКАЯ ГАВАНЬ

Там солнцу светить не хватает и дня
И ночь уступает, не споря.
Ступени, как волны, подводят меня
Все ближе к лиловому морю.

Та лестница к морю ведет, и она —
Причина морского волнения.
Ступени доходят до самого дна,
Открытого на мгновенье.

На волнах зубчатых качается кит —
Он сам как волна штормовая,
Растущий прилив и бурлит, и кипит,
И ноги мои задевает.

У самого пирса в морскую игру
Играют две нерпы азартно,
И солнце влезает сквозь тучу в дыру,
Что прорвана ветром внезапно.

КАМЕНЯ

На склоне гор, на склоне лет
Я выбил в камне твой портрет.

Кирка и обух топора
Надежней хрупкого пера.

В страну морозов и мужчин
И преждевременных морщин

Я вызвал женские черты
Со всем отчаяньем тщеты.

Скалу с твоею головой
Я вправил в перстень снеговой.

И чтоб не мучила тоска,
Я спрятал перстень в облака.

* * *

Сотый раз иду на почту
За твоим письмом.
Мне теперь не спится ночью,
Не живется днем.

Верю, верю всем приметам,
Снам и паукам,
Верю лыжам, верю летом
Узким челнокам.

Верю в рев автомобилей,
Бурных дизелей,
В голубей почтовых крылья,
В мачты кораблей.

Верю в трубы пароходов,
Верю в поезда,
Даже в летнюю погоду
Верю иногда.

Верю я в оленьи нарты,
В путевой компас
У заиндеветшей карты
В безысходный час.

В ямщиков лихих кибиток,
В ездовых собак,
Хладнокровию улиток,
Лени черепах.

Верю щучьему велению,
Стынущей крови,
Верю своему терпенью
И твоей любви.

ЛИЛОВЫЙ МЕД

Упадет моя строка,
Как шиповник спелый,
С тонкой веточки стиха,
Чуть заледенелой.

На хрустальный, жесткий снег
Брызнут капли сока,
Улыбнется человек —
Путник одинокий.

И, мешая грязный пот
С чистотой слезинки,
Осторожно соберет
Крашенные льдинки.

Он сосет лиловый мед
Этой терпкой сласти,
И кривит иссохший рот
Судорога счастья.

* * *

Кусты у каменной стены
Крошат листву передо мною,
И камни дна раскалены
И пышут банным душным зноем.

Стоят сожженные цветы
Под раскаленным небосводом
И ждут, чтоб наклонился ты
И вырвал их и бросил в воду.

Или унес к себе домой
От этой жаркой твердой тверди,
Чтоб их не мучил больше зной
Хоть за минуту перед смертью,

Чтоб там, в стакан вместясь с трудом,
Зашевелили лепестками
И робко в комнате потом
Тебя глазами бы искали.

И этот благодарный взгляд
Тебе воистину дороже
Всех славословий и наград,
И всех похвал дороже тоже.

* * *

Мы ночи боимся напрасно:
Цветы изменяют свой цвет
Затем, чтобы славить согласно
Полуночный, лунный ли свет.

Хочу, чтобы красок смятенье
И смену мгновенную их
На коже любого растенья
Поймал мой внимательный стих.

Оттенки тех огненных маков,
Чернеющих в лунных лучах, —
Как рукопись, полная знаков,
Еще не прочтенных в ночах.

Что резало глаз и пестрело,
Теперь для того смягчено,
Чтоб смело из ночи смотрело
В раскрытое настезь окно,

И встретилось с ищущим взглядом,
И в дом мой поспешно вошло —
Шагать и поддакивать рядом,
Покамест не рассвело.

* * *

Вижу кости горных хребтов,
Переломленных человеком,
Вижу странную яркость цветов —
Не гербарий, а фильмотеку.

Слышу тысячу птичьих ртов
В оглушительный час рассвета
Там, где каждый снегирь готов
Петь с ответственностью поэта.

Где волшебным своим фонарем
Озаря распадки и пади,
Бродит в тучи закутанный гром,
Подражая во всем ледопаду.

СЕМЕН ДЕЖНЕВ

Могилу роет море-океан.
Мы потерпели кораблекрушенье.
У нас остался компас и секстан
И есть еще надежда на спасенье.

На звезды смотрим, слушаем эфир,
Укрывшиеся в леденелых скалах,
Но нас не ищет равнодушный мир,
И мы не слышим радиосигналов.

И утлый коч наш приплывет туда —
Пробьет тропу ледовых карт и лоций, —
Куда всегда Полярная звезда
Российского вела землепроходца.

* * *

Таежное солнце со снегом весною
Расправится и без людей
И, помощью пренебрегая земною,
Не просит у неба дождей.

Без дворников, без снегочисток машинных,
Со снегом один на один,
Оно до полуночи роется в льдинах,
Ломает могущество льдин.

И, с солнцем вступающий в единоборство,
Вчерашний властительный снег
Открыто покажет свое непокорство,
Оставшись в ущельях навек.

И дно ледяное угрюмо блистает,
Но горный ручей по нему
Бежит и, сверкая, на воздух взлетает,
Забыв снеговую тюрьму.

ПОСЛЕ ВЬЮГИ

Снег — сыпучее тело.
Он колюч и летуч.
Ослепительно белым
Он просыпан из туч.

Ночью вьюга швыряла
Белый снег в небеса
И, должно быть, устала,
Сотрясая леса.

Задыхаясь от бега,
Затихает пурга
И серебряным снегом
Посыпает снега.

На ветвях — ни снежинки,
И на голой горе
В щелях светятся льдинки,
Как свеча в фонаре.

* * *

Подходят горы сзади,
Глядят из-за плеча,
Что я черчу в тетради
Близ горного ключа,

Отобrazу ли лучше
Художницы воды
Базальтовые кручи,
Фарфоровые льды.

В восторге оробелом
С испуганным лицом
Я мазал небо мелом
И скалы крыл свинцом.

И жарко звал на смену,
Меняя цвет на цвет, —
Индиго и сиену
Палитры детских лет.

Неточность изложения,
Пробелы мастерства
Осудят и растения,
И камни, и трава...

* * *

Руинами зубчатых башен,
Развалинами крепостей
Был берег сыздавна украшен
И был приятен для гостей.

Но замок, славный красотою
Любой войны и старины,
Был нищ и беден пред простою
Неповторимостью волны.

И что творения Шекспира
В сравненье с сизою водой —
Ровесницей созданья мира
И все же вечно молодой!

* * *

В ущелье день идет на убыль,
Весь мир — пока хватает глаз —
Таков, как будто новый Врубель
Нам вечер пишет на заказ.

Кипрей на скалах темно-серых
Как киноварь на полотне,
Ручей рубиновый в пещере
С камнями черными на дне.

Брусника здесь — почти черешня,
Она крупна и велика.
Расти бы ей — бруснике здешней —
Там, у подножья Машука...

* * *

Море крыто теплой тучей,
Море мерзнет в сентябре,
Связки волн трещат, как сучья
На пылающем костре.

И в скафандре небосвода
Некий город-водолаз
Погрузиться хочет в воду
В десяти шагах от нас.

Скалы, красные как мясо,
Омываются волной,
Сто медуз из плексигласа
Проплывают предо мной...

БАСНЯ ПРО АЛМАЗ

Простой блистающий алмаз
Был мерой твердости для нас.

Ведь нет кислот и щелочей,
Какие гасят блеск лучей.

Но может измениться он,
Когда он будет накален.

И в безвоздушной духоте,
В миллионлетней темноте

Алмаз изменит внешний вид,
Алмаз расплющится в графит.

И вот алмазная душа
Горда судьбой карандаша.

И записать готов алмаз
Стихотворенье и рассказ.

* * *

Сосновый лес, зеленый бор,
Свисающий со склонов гор, —
Ты в голубой плывешь воде
Навстречу утренней звезде
Сосновой дружною семьей
С блестящей желтой чешуей.
Да, сосны вроде окуней
От кроны до кривых корней,
И ветки, будто плавники,
Трепещут на волне реки...

УЩЕЛЬЕ

Когда в ущелье на мгновенье
В глазах любой речной волны
Мелькнет обрыва отраженье —
Реки движенья стеснены.

И, потемнев как бы от гнева,
Она ломает берега,
Крушит направо и налево
И в камне чувствует врага.

Река выходит из ущелья
Уже не прежнюю рекой.
Она хрипит от возмущенья,
Не веря в счастье и покой.

И все забыто понемногу,
Кругом так зелены луга,
Так утешительно пологи
Ее родные берега.

Но о скале воспоминанье
Рекой навек сохранено —
В любую непогодь волнами
Со дна выносятся оно.

* * *

Ни зверя, ни птицы... Еще бы!
В сравненье с немой белизной
Покажутся раем трущобы
Холодной чащобы лесной.

Кустарника черная сетка...
Как будто остались в пургу
Небрежные чьи-то заметки
На белом безбрежном снегу.

Наверно, поэты скрипели
Когда-то досужим пером,
Пока не вмешались метели,
Свистя колдовским помелом.

На хвойные хрупкие плечи
Обрушилась белая мгла,
Сгибая, ломая, калеча,
Лишая огня и тепла...

* * *

Следов твоих ног на тропинке таежной
Ветрам я не дам замести,
Земля сохранит отпечаток ничтожный
Живым на моем пути.

Когда-нибудь легкую вспомню походку,
Скупую улыбку твою,
И память свою похваляю за находку
В давно позабытом краю.

* * *

Наклонись ко мне, кленовая
Ветка милая моя,
Будь нежданной основой
Обновленья бытия.

Не твоя ли зелень клейкая
Так горька и горяча?
Ты нагнулась над скамейкою
Возле самого плеча.

Я шепчу признанья пылкие,
К твоему тянусь листу,
Что дрожит здесь каждой жилкою,
Ясно видной на свету.

ЕЛКИ И ВЕТЕР

Елки ходят в платьях длинных,
Заплетаются в снегу,
Елки ходят в кринолинах,
Украшающих тайгу.

Задрожат у елки плечи,
Елка прячет след пилы.
Зашивать ей рану нечем —
Нет ни нитки, ни иглы.

Правда, хвойные иголки,
Снеговые нити — есть.
Только слишком мало толку
От иглолок этих здесь...

Те царапины на теле
Ей оставила пила,
Что в метель по телу ели
Походила и ушла.

Лесорубы еле-еле
Убрались из лесу в дом
В остром свисте той метели,
В диком вое ветровом.

Ветер елку спас от смерти
И кричит из-за куста:
— Ветру верьте, ветру верьте,
Ветер дует неспроста.

Он повязку снеговую
Наложил на елку сам —
Елка кровь хранит живую,
Чудодейственный бальзам.

Елки лечат эти раны
Только собственной смолой.
В ожидании бурана
Ветер вертится юлой.

ШКОЛА В БАРАГОНЕ

Из лиственниц жестких и голых,
Блестательных мерзлых кустов
Выходим к бревенчатой школе
Окошками на восток.

Внутри — застекленные двери,
Уроков идет тишина,
Слышны лишь скрипящие перья,
И тишина слышна.

Мы сядем за школьную парту,
Тетрадки ребят развернем,
Вот это, наверное, парта,
А это — высотный дом.

Ребята решили задачу:
Строенье на конус свели, —
Не юрту — так что же иначе
Построить на свете могли?

И дверь этой стройки высотной
До крыши, как в юрте, дошла.
Художник взволнованный, потный
Лежит поперек стола.

Так мы рисовали когда-то
Таинственный эвкалипт,
С детьми капитана Гранта
Входили в морской залив...

Вертится новешенький глобус,
Пробирки в штативе блестят...
Ребята, глядящие в оба...
Учительница ребят...

Классный журнал для отметок,
Бумаги целая десть...
Школа как школа. И в этом
Самое чудо и есть.

КУРЬЯ

Здесь курья — речная заводь,
Неподвижная вода.
Слишком мелко, чтобы плавать,
И река здесь как слюда.

И, ступая осторожно
По сырому плитняку,
Босиком добраться можно
К обнаженному песку.

Это — раменье, оплечье
Пашен, пожен и долин,
Вбитый плотно в междуречье
Боровой зеленый клин.

Облака как горы мела,
Тучи тяжче, чем свинец,
И орлы садятся смело
На малиновый орлец.

ВЕЧЕРОМ

Мне небом нынче велено
Питаться зельем зелени,
Вдыхать цветочный яд.

Путиами незнакомыми
Скитаться в птичьем гомоне,
Пока глаза глядят.

Уж вечером намечено,
Что будет засекречено
В сегодняшнюю ночь.

Исчезнет конь игрневый,
Исчезнет куст сирневый,
Уйдут дороги прочь.

Мне лезут в уши оводы,
Насвистывая доводы
Слабеющего дня, —

Как будто небо ясное,
Как будто солнце красное
Уже не для меня.

АРКТИЧЕСКАЯ ИВА

Ива цветет, погруженная в снег,
Ива должна спешить,
Жить здесь как птица, как человек,
Если решила жить.

Жить — значит в талую землю успеть
Бросить свои семена,
Песню свою хоть негромко пропеть,
Но до конца, до дна.

ВВЕРХ ПО РЕКЕ

Челнок взлетает от рывков
Потоку поперек.
Вверх по течению веков
Плывет челнок.

Дрожит, гудит упругий шест,
Звенит струной,
Сама история окрест
Передо мной.

На устье — электронный мир,
Пришедший в города,
Шекспир, колеблющий эфир,
Тяжелая вода...

Еще недавно видел челн
Не цепи гор,
А золотых пшеничных волн
Земной простор.

Но мир кормилицы-земли,
Крестьянский быт —
Уже исчез внизу, вдали
И мглой покрыт.

Сейчас в охотничьем веку,
В глухой тайге
Я верю петле и силку,
Трехзубой остроге,

Шесту, что согнут словно лук,
Чтоб без весла
Был пущен тетивою рук
Челнок-стрела.

Уж недалек конец пути —
Реки исток,
И я назад могу идти
На веслах строк.

Чтоб к устью лодку привести
Речной волной
На историческом пути
Судьбы земной.

Ей даст дорогу пароход
В порту морском.
Взовьется гидросамолет
Над челноком.

Челнок взлетает от рывков
Потоку поперек,
Вверх по течению веков
Плывет челнок...

* * *

Как ни хорош
Пейзаж в изображенье,
Он — не похож,
Он — тело без движенья.

Бессилен гнев
Художника в азарте, —
Земли рельеф
Не выразить на карте.

Нельзя пером
Одушевить природу:
Негромкий гром,
Рокочущую воду...

Для жизни гор
И надписи некстати:
«Сдано в набор»,
«Подписано к печати»...

ЛЕД

Еще вчера была рекой.
И вымерзла до дна!
И под людской хрустит ногой
Застывшая волна.

Она — лишь слепок ледяной
Лица живой волны,
И ей, наверно, не одной
Такие снятся сны.

Весной растает этот лед
Окоченевших строк,
И берега окрест зальет
Разлившийся поток.

КУСТЫ

Ложатся тяжелые тени
Подсвечников белой сирени.

Кусты в одеянье зеленом
Живут у меня под балконом.

Им ночь навалилась на плечи,
Бессвязны их темные речи.

Я днем занимаюсь разгадкой
Того, что услышал украдкой,

Чтоб вынести мненье растенья
На суд человеческого мненья.

* * *

Тихий ветер по саду ступает,
Белый вишненный цвет рассыпает.

И одна из песчаных дорожек —
Как вишневое платье в горошек.

Лепестки на песке засыхают,
Люди ходят и тихо вздыхают...

Ветер пыльные тучи взметает —
Белый вишненный цвет улетает.

Поднимается выше и выше
Легкий цвет, белый цвет нашей вишни.

ПАУК

Запутать муху в паутину,
Еще жужжащей и живой,
Ломать ей кости, гнуть ей спину
И вешать книзу головой.

Ведь паутина — это крылья,
Остатки крыльев паука,
Его повисшая в бессилье
Тысячелапая рука.

И вместо неба — у застрехи
Капкан, растянутый в углу,
Его кровавые потехи
Над мертвой мухой на полу.

Кто сам он? Бабочка иль муха,
Иль голубая стрекоза?
Чьего паук лишился слуха?
Чьи были у него глаза?

Он притворился мирно спящим,
Прилег в углу на чердаке.
И ненависть ко всем летящим
Живет навеки в пауке.

* * *

Жизни, прожитой не так,
Все обрезки и осколки
Я кидаю на верстак,
Собирая с книжной полки.

Чтоб слесарным молотком
И зазубренным зубилом
Сбить в один тяжелый ком
Все, что жизнь разъединила.

И чтоб молот паровой
Утюгом разгладил за день,
Превратил бы в лист живой,
Без царапин, ран и ссадин.

ПЛАВКА

Пускай всем жаром изложенья
Течет в изложницы металл —
Стихов бесшумного движенья
Тысячеградусный накал.

Пускай, с самим собою в споре,
Так много тратится труда —
Руда, в которой примесь горя,
Не очень плавкая руда.

Но я ее засыплю в строки,
Чтоб раскалилась добела,
Чтоб из огня густым потоком
Жизнь в формы слова потекла.

И в этой дерзостной отливке
Смиренье стали огневой
Хранит твоих речей обрывки
И затаенный голос твой.

* * *

Да, рукопись моя невелика, —
Родник, а не ручей и не река.

Подземный ключ не сдвинет валунов,
Не потрясет береговых основ.

И может течь, а может и не течь
Негромкая, прерывистая речь...

Но, впрочем, строчки — это не вода,
А глубоко залежная руда.

Любой любитель, тайный рудовед,
По этой книжке мой отыщет след,

Нащупает под ржавым плитняком
Старательным старательским скребком.

* * *

Я знаю, в чем моя судьба:
Чтоб рвали камни ястреба,

И чтоб на узком челноке
Я поднимался по реке,

Чтоб трогала моя рука
В вершинах сопок — облака,

Чтоб в темный воздух, как в платок,
Я завернул живой цветок,

Цветок, который я сорвал
С одной из бережных скал,

Цветок, что вырос на скале
На неизмеренной земле.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Зима уходит в ночь, и стужа...»	3
Роса	5
Юго-запад	6
Скворец	8
Закладка города	9
«Он тащит солнце на плече...»	10
«Свяжите мне фуфайку...»	11
«В годовом круговращенье...»	13
«Часы внутри меня...»	14
Детское	15
«Ручей питается в дороге...»	16
«Так ярок синий небосвод...»	17
«Она никогда не случайна...»	18
Вечерняя звезда	19
Июль	20
«Пролетели фары...»	22
«Жить вместе с деревом, как Эрзя...»	23
«Не потому цари природы...»	24
Ода ковриге хлеба	25
Память	27

Некоторые свойства рифмы	29
Слеза	31
«Мечта ученого почтенна...»	32
Роца	33
«В рельефе хребтов, седловин...»	35
«Не в Японии, не на Камчатке...»	36
Сирень	37
«Хоть сдавлена гудроном...»	38
«Я доволен прогулками...»	40
«Да, театральны до конца...»	42
«О подъезды, о колонны...»	43
Ленинград	44
Бурение огнем	46
«Вырвалось из комнатного мира...»	47
Шоссе	48
Море	49
Морское	50
Бухта	52
Старая Вологда	53
«Мои ли рукави...»	55
Обогатительная фабрика	56
«Волна о камни хлещет плетью...»	57
Станционный смотритель	58
«Есть снег, называемый фирн...»	59
«А лодка билась у причала...»	60
Рассказ о Дапте	61
«Скрипка, как желтая птица...»	63
Виктору Гюго	65
«Стихи — это судьба, не ремесло...»	66
«Поэзия — дело седых...»	67
У телевизора	68
«Упала, кажется, звезда...»	69

«Голпа гортевзий и сирени...»	70
«Замшелого камня на свежем изломе...»	71
Нитроглицерин	72
Пень	73
«Осторожно и негромко...»	75
Ольская гавань	77
Камел	78
«Сотый раз иду на почту...»	79
Лиловый мед	81
«Кусты у каменной стены...»	82
«Мы ночи боимся напрасно...»	84
«Вижу кости горных хребтов...»	86
Семен Дежнев	87
«Таежное солнце со снегом весною...»	88
После вьюги	89
«Подходят горы сзади...»	90
«Руинами зубчатых башен...»	92
«В ущелье день идет на убыль...»	93
«Море крыто теплой тучей...»	94
Басня про алмаз	95
«Сосновый лес, зеленый бор...»	96
Ущелье	97
«Ни зверя, ни птицы...»	99
«Следов твоих ног на тропинке таежной...»	100
«Наклонись ко мне, кленовая...»	101
Елки и вегер	102
Школа в Барагоне	104
Курья	106
Вечером	107
Арктическая ива	109
Вверх по реке	110
«Как ни хорош...»	113

Лед	114
Кусты	115
«Тихий ветер по саду ступает...»	116
Паук	117
«Жизни, прожитой не так...»	119
Плавка	120
«Да, рукопись моя невелика...»	121
«Я знаю, в чем моя судьба...»	122

Шаламов
Варлам Тихонович
ШЕЛЕСТ ЛИСТЬЕВ

М., «Советский писатель», 1964. 128 стр.

Редактор *В. С. Фогельсон*
Художник *Ю. И. Ростовцев*
Худож. редактор *В. И. Морозов*
Техн. редактор *Р. Я. Соколова*
Корректор *С. С. Потресова*

*

Сдано в набор 29/X 1963 г.
Подписано к печати 27/XII 1963 г.
A11810. Бумага 70×108^{1/2}.
Печ. л. 4 (5,48). Уч.-изд. л. 2,53.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1438.
Цена ~~18~~ коп.

*

Издательство «Советский писатель»
Москва, Б. Гнезниковский пер., 10.
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.